

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРАКТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

Н. К. Кравченко

Государственная Академия жилищно-коммунального хозяйства

Статья содержит научное обоснование интерактивной модели международно-правового дискурса с учетом элементов дискурсивного сознания коммуникантов как многокомпонентной, вариативной, иерархичной и децентрализованной структуры.

Ключевые слова: интерактивная модель, международно-правовой дискурс, коммуникативный субъект, адресат, адресант

Стаття містить наукове обґрунтування інтерактивної моделі міжнародно-правового дискурсу з урахуванням елементів дискурсивної свідомості комунікантів як багатокомпонентної, варіативної, ієрархічної та децентрованої структури.

Ключові слова: інтерактивна модель, міжнародно-правовий дискурс, комунікативний суб'єкт, адресат, адресант

The article provides scientific substantiation of the interactive model of international law discourse while determining the elements of communicators discourse conscience in different denoted as a multicomponent, variable, hierarchical and decentralized structure.

Key words: interactive model, international law discourse, communicative subject, sender and addresser

Проблема статьи связана с выявлением особенностей реализации в международно-правовом дискурсе (МПД) сигналов интерактивности как текстово-дискурсивной категории, представленной “взаимодействием в дискурсе адресанта и адресата на основе текста” [1, с. 321]. Проблематика статьи позволяет говорить о связи исследования с такими актуальными научными задачами современной лингвистики, как обоснование лингвистической теории текста и коммуникации, разработка категории интерактивности и ее подкатегорий адресантности и адресатности, стратегий построения и интерпретации дискурса. В связи с этим особое методологическое значение для данной статьи имеют результаты исследований по внутренней диалогичности текстов, представленные в трудах М.М.Бахтина [1], и обоснование интегративной лингвистической теории текста и коммуникации, которое осуществляется в работах Е.А.Селивановой [2]. Международно-правовой дискурс ранее не служил объектом лингвистического анализа в указанных выше аспектах. Это определяет основную цель исследования в настоящей статье, которая состоит в выявлении сигналов интерактивного взаимодействия коммуникантов МПД.

Специфика международного правотворчества позволяет предположить, что интерактивная модель международно-правового дискурса отличается набором прогнозируемых и высоковероятностных признаков, поскольку, в отличие от любого иного вида коммуникативного взаимодействия субъектов (за исключением аутокоммуникации), субъект международного нормотворчества является одновременно и дестинатором норм, то есть адресант МПД совпадает с адресатом. В пользу такой кажущейся однородности адресанта и адресата МПД как двух сторон обобщенного субъекта международного права говорит сама сущность международного нормообразования, которое является согласованием/координацией воле/позиций государств, касающихся как правил поведения, так и признания их в качестве правовых норм.

Знание о том, что обобщенный субъект является известной/постоянной величиной международного правоотношения, проявляется в “незаполненности/свернутости” семантической позиции субъекта в пропозициональных структурах, лежащих в основе номинации принципов и норм международного права. Исключением являются пропозиции, в которых вербальное обозначение субъекта выделяет особенно важный аспект международного правоотношения или фиксирует некоторое отклонение от нормы и, соответственно, не является семантически избыточным (“загрязнитель платит”, “принцип солидарной ответственности международной организации и государств – ее членов” и др.).

Вместе с тем, несмотря на кажущееся совпадение адресата и адресанта МПД в структуре обобщенного субъекта международного права, исследование когнитивной структуры интерактивного взаимодействия компонентов дискурса с учетом всех элементов дискурсивного сознания коммуникантов, погруженных в различные семиосферы, позволяет говорить о многокомпонентности,

вариативности, иерархичности и децентрированности коммуникативного субъекта МПД. Объем данной статьи позволяет нам наметить только основные возможности рассмотрения этой проблемы:

1. *Многокомпонентность* коммуникативного субъекта проявляется в выделении в процессе коммуникации в структуре обобщенного субъекта следующих видов субъектов МПД: а) конкретного субъекта – I (который взаимодействует с жанровой моделью текстов, имеющих с МПД общий предмет и объект регулирования, включая его в деонтологическое пространство одной из подсистем/отраслей международного права);

б) конкретного субъекта – II (так как на всех этапах, в том числе на этапе планирования, международно-правовая коммуникация осуществляется как межкультурная коммуникация конкретных субъектов-государств, погруженных не только в международно-правовую, но и в социально-политические, национально-правовые и культурно-этнические семиосферы); в) субъекта-посредника – I (органы международной юстиции и органы/механизмы имплементации соглашений, эксплицитно названные в текстах: используют МПД как семиотическую единицу для генерирования новых смыслов при создании “правоприменительных” текстов судебных решений и др.); г) субъекта-посредника – II (органы, инкорпорирующие договор во внутреннее право в соответствии с коммуникативным механизмом, который реализуется в модели класса текстов национального законодательства и национальных судебных решений); д) квазисубъект – I (индивидуальные или коллективные сущности, не обладающие международной правосубъектностью, но имеющие процессуальную дееспособность, что предполагает способность быть адресатом и пользователем-интерпретатором международно-правовых текстов определенного объекта правоотношений – например, регулирующих права человека, национальных меньшинств, окружающей среды и т.д.).

2. *Вариативность* обобщенного субъекта определяется его триединой сущностью, проявляющейся в обобщенной правосубъектности государств, международных межправительственных организаций и наций, борющихся за независимость. От того, какой вид обобщенного субъекта выступает адресантом и/или адресатом МПД, зависит реализация когнитивных стратегий МПД. Все разновидности обобщенного субъекта в той или иной мере могут быть адресатами МПД, однако их функция как адресантов МПД, создающих новую деонтологическую реальность, имеет объективно (для наций, борющихся за независимость, поскольку они не обладают суверенитетом) и функционально ограниченный (для международных организаций) характер. В частности, адресантная функция международной организации как субъекта международного нормотворчества имеет целевую обусловленность, поскольку ее объем обусловлен волеизъявлением государств-членов и ограничен уставными документами. Регулятором адресантной функции обобщенного субъекта служит концепт “суверенитет”. В концептуальном пространстве международно-правовых текстов, устанавливающих объем правосубъектности “обобщенного субъекта”, концепт “суверенитет” регулирует совокупность макропропозиций, связанных с разграничением понятий “международная правосубъектность” и “международная дееспособность”, “правообразующий” и “неправообразующий” субъект и др.

3. *Иерархичность* видов обобщенного субъекта также обусловлена их взаимодействием с концептом “суверенитет” и представлена в терминологии “абсолютная правосубъектность”, “первичная правосубъектность” (раскрываются через пропозицию “присуща полному суверенитету”), “производная правосубъектность”, “относительная правосубъектность”, “ограниченная правосубъектность” (раскрываются через пропозицию “обусловлена волеизъявлением суверенных субъектов”).

4. Сигналы *децентрированности* коммуникативного субъекта (как структурно неоднородной совокупности конкретных субъектов) можно обнаружить на всех этапах существования МПД: а) эксплицитно на этапе планирования, развертывания, окончания и воздействия МПД (“высказать замечание”, “заявить оговорку”, “предложить поправку”, “потребовать изменения”, “воздержаться от присоединения”, “денонсировать конвенцию” и др.); б) имплицитно – в виде сигналов, вербализирующих результаты разработки структуры дискурса и проявляющих несовпадающие цели и различные коммуникативные стратегии коммуникантов. Последнее происходит в том случае, если концептуальное пространство МПД интегрирует понятия, которые проявляют концептуальные сферы различных субъектов: “свобода/доступ” – “запрет”, “недискриминация” (как равенство для равных) и “дифференцированность” (как равенство для

неравных). Каждый из этих концептов мотивирует семантику тех основных принципов, раскрытие которых обеспечивает нормативно-содержательную структуру и концептуальную завершенность конкретных международно-правовых документов. Сам факт существования документов, концептуальное пространство которых организовано противопоставленными концептами, является макросигналом коммуникативного сотрудничества государств-участников соглашения. Вместе с тем, противопоставленность понятий указывает на несовпадающие (в какой-то момент структурирования МПД) оценки коммуникантами норм и, шире, ценностей, закрепленных нормами, как справедливых или несправедливых, так как в момент создания текста каждый субъект-адресант “примеряет” на себя последствия его применения, выступая адресатом. Смысловым макроконнектором МПД становится взаимодействие противопоставленных концептов благодаря их вхождению в когнитивные поля ценностных смыслов отдельной отрасли, всей системы международного права, а также в когнитивное поле концепта протоконцепта “справедливость” как ценностного обоснования права.

Так, в Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997г. [3,с.189] макроконнектором становится взаимодействие концептов “общее благо” и “равенство”. Вербализованная часть обоих концептов представлена нормативными высказываниями, раскрывающими соответствующие отраслевые принципы: “ненанесения ущерба” и “справедливого и разумного использования”. При этом истолкование концепта “справедливость” как отраслевой ценности осуществляется в концептуальном пространстве текста посредством понятий “взаимость” и “пропорциональность”, связанных с концептом-идеей “равенство” (справедливость = равный, пропорциональный вид использования водотока). В то же время концепт-идея “общее благо” ограничивает сферу реализации концепта “равенство”; “ограничивающая” макропропозиция может быть сформулирована так: запрет таких видов равноправного/справедливого/пропорционального использования водотока каждой из сторон (то есть суверенного использования), которые способны нанести ущерб “общему благу”. Таким образом, взаимодействием в концептуальном пространстве МПД концептов “общее благо” и “равенство” выявляется их противопоставление по признакам “общий/суверенный”, что служит сигналом децентрализации обобщенного субъекта, проявляя различные стратегии коммуникантов в нормативном закреплении той или иной международно-правовой ценности как доминирующей.

Возможность достижения коммуникативного сотрудничества в процессе международного правотворчества в глобальном плане обеспечивается связью всех ценностных концептов МПД, а также концептуальной картины мира правосоздающих и правоприменяющих субъектов с протоконцептом “справедливость” как “свернутом” знании об экзистенциально должном, оценочном основании и обосновании права. Протоконцепт “справедливость” представлен в когнитивной модели МПД уровнем семиотического универсума, частично вербализован в текстах и опосредует интерактивное взаимодействие коммуникантов МПД, оценивающих деонтологическую реальность, в которую погружен текст, как “справедливую” или “несправедливую”.

Материал статьи позволил прийти к выводу о том, что категория обобщенного коммуникативного субъекта международно-правового дискурса представлена в тексте эксплицитными и имплицитными сигналами взаимодействия различных адресантов и адресатов МПД как структурно неоднородной, иерархичной, многокомпонентной модели интерактивного сотрудничества по созданию и интерпретации зафиксированного текстом фрагмента деонтологической реальности. Перспективным направлением дальнейшего исследования проблемы является разработка типологии адресантов/адресатов международно-правового дискурса и выявление связи каждого типа с когнитивной моделью определенного класса текстов.

Литература:

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
2. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоцицентр, 2002. – 336 с.
3. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 21 мая 1997 г. // Международные водотоки: Расширение сотрудничества и урегулирование конфликтов (научные редакторы – С.М.Салман и Л.Б.Шазурн). – Нью-Йорк; Женева: ООН. 2000 г. – С. 189-207.

Поступила в редакцию 19.12.2002